

Джеральд Даррелл

МОЯ
СЕМЬЯ
И
ДРУГИЕ
ЗВЕРИ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 20

Gerald Durrell
MY FAMILY AND OTHER ANIMALS
Copyright © Gerald Durrell, 1956

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and
The Van Lear Agency.

Перевод с английского Сергея Таска

Оформление обложки Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-16294-5

© С. Э. Таск, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Посвящается моей матери

Но у меня моя собственная меланхолия, составленная из многих элементов, извлекаемая из многих предметов, а в сущности — результат размышлений, вынесенных из моих странствий, погружаясь в которые я испытываю самую гумористическую грусть.

*Уильям Шекспир. Как вам это понравится
(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)*

ОПРАВДАТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ

В иные дни я успевала поверить в десяток
невозможностей до завтрака!

*Белая королева в «Алисе в Стране чудес»
(Перевод Н. Демуровой)*

Это рассказ о пятилетнем пребывании нашей семьи на греческом острове Корфу. Он задумывался как описание местной природы, с ностальгическими нотками, но я совершил большую ошибку, представив моих близких на первых же страницах. Закрепившись на бумаге, они принялись захватывать пространство и приглашать самых разных друзей, чтобы разделить с ними главы этой книги. Лишь с огромным трудом и всяческими ухищрениями мне удалось сохранить отдельные страницы, посвященные исключительно животным.

Я постарался нарисовать точный, без преувеличений, портрет моей семьи; они выглядят такими, какими я их видел. Вместе с тем, чтобы объяснить их несколько эксцентричное поведение, думается, надо уточнить, что в те дни пребывания на Корфу все были еще достаточно молоды: старшему, Ларри, было двадцать три, Лесли — девятнадцать, Марго — восемнадцать, я же, самый младший, был впечатлительным десятилетним юнцом. О возрасте нашей матери нам было трудно судить по той простой причине, что она никогда толком не помнила даты своего рождения; поэтому скажу просто: она была матерью четырех детей. А еще она настаивает, чтобы я непременно

уточнил: она вдова, — поскольку, как она весьма про- ницательно заметила, мало ли что люди могут по- думать.

Чтобы растянувшиеся на пять лет события, на- блюдения и просто приятное времяпрепровождение спрессовать до объема поскромнее, чем «Британская энциклопедия», мне пришлось складывать, перекра- ивать и подрезать материал, в результате чего от пер- воначальной последовательности событий мало что осталось. А еще я был вынужден вывести за скобки кучу эпизодов и персонажей, которых с удовольстви- ем бы описал.

Сомневаюсь, что эта книга была бы завершена без помощи и горячей поддержки следующих людей. Упоминаю же я об этом для того, чтобы было на ко- го переложить вину. Итак, моя благодарность:

Доктору Теодору Стефанидесу. С характерным ве- ликодушием он позволил мне использовать наброс- ки для своей неопубликованной работы, посвящен- ной Корфу, и подкидывал мне убойные каламбуры, часть из которых я пустил в ход.

Моим домашним, которые, сами того не желая, поставляли мне необходимый материал и оказывали неопределимую помощь при написании книги тем, что всё яростно оспаривали, почти никогда не соглашаясь с тем или иным фактом, насчет которых я с ними советовался.

Моей жене, радовавшей меня гомерическим хо- хотом во время чтения рукописи, после чего следо- вало признание, что это ее так забавляли мои орфо- графические ошибки.

Моей секретарше Софи, ответственной за рас- становку запятых и безжалостное удаление расщеп- ленных инфинитивов.

Я хотел бы выразить особое признание моей матери, которой посвящена эта книга. Подобно доброму, энергичному, чуткому Ною, она провела свой ковчег с чудаковатым потомством по бурным житейским волнам, проявив величайшую сноровку и постоянно сталкиваясь с возможным бунтом на корабле, то и дело рискуя сесть на мель перерасходов и излишеств, без всякой уверенности, что ее навигационные способности будут одобрены командой, зато прекрасно понимая, что все шишки свалятся на нее, если что-то пойдет не так. То, что она выдержала это испытание, можно считать чудом, а она его выдержала и, больше того, сумела при этом сохранить рассудок. Как справедливо говорит мой брат Ларри, мы можем гордиться тем, как мы воспитали нашу мать; она делает нам честь. Она обрела состояние счастливой нирваны, когда уже ничто не может повергнуть в шок или удивить, что доказывает хотя бы недавний пример: на выходных, когда она была одна в доме, неожиданно доставили сразу несколько клетей с двумя пеликанами, красным ибисом, грифом-стервятником и восемью обезьянами. При виде такого контингента более слабый смертный, скорее всего, дрогнул бы, но только не моя мать. В понедельник утром я нашел ее в гараже, где за ней гонялся разгневанный пеликан, которого она пыталась накормить консервированными сардинами.

— Дорогой, как хорошо, что ты пришел. — Она уже задыхалась. — Этот пеликан как-то не очень охотно идет на общение.

На мой вопрос, почему она решила, что это *мои* подопечные, последовал ответ:

— Дорогой, кто ж еще мог прислать мне пеликанов?

Это показывает, насколько хорошо она знает по крайней мере одного члена семьи.

Напоследок хочу подчеркнуть, что все истории об острове и островитянах не вымышленные. Жизнь на Корфу чем-то похожа на яркую комическую оперу. Атмосферу и очарование этого места, мне кажется, довольно точно отражала карта, выпущенная британским Адмиралтейством; на ней были показаны в деталях остров и береговая линия материка. А ниже, в рамочке, примечание:

Поскольку бакены, которыми отмечено мелководье, часто оказываются не на своих местах, морякам, заходящим в эти воды, следует проявлять бдительность.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Быть сумасшедшим — в этом есть услада,
Что ведома одним лишь сумасшедшим.

Джон Драйден. Испанский монах. II, 2

МИГРАЦИЯ

Колочий ветер задул июль, как жалкую свечу, и пригнал свинцовое августовское небо. Зарядила игольчатая жалящая морось, которая при порывах ветра гуляла туда-сюда матово-серой простыней. На побережье Борнмута пляжные кабинки обращали свои бесстрастные деревянные лица к серо-зеленому, пенно-гребешковому морю, жадно накатывавшему на бетонный мол. Шквальными порывами чаек задувало в город, и они носились над крышами домов, раскинув напряженные крылья и сварливо голося. Эта погодка станет испытанием для кого угодно.

В подобный день моя семья в целом производила не слишком благоприятное впечатление, поскольку такая погода приносила с собой обычный набор болезней, которым все мы были подвержены. Я, растянувшийся на полу и наклеивавший метки на коллекцию ракушек, подхватил простуду, мгновенно забившую, словно цементом, всю носовую полость, так что приходилось с хрипом дышать открытым ртом. Мой брат Лесли, съездившийся жалкой тенью у горящего камина, страдал воспалением среднего уха, и уши у него постоянно кровоточили. У моей сестры Марго повысыпали новые прыщи на лице, которое и без того напоминало красную вуалетку. У матери разыгрался сильный насморк и приступ ревматизма

в придачу. И только мой старший брат Ларри был как огурчик, если не считать того, что его раздражали наши недомогания.

С него-то все и началось. Остальные были слишком вялые, чтобы размышлять еще о чем-то, кроме своих болезней; Ларри же был задуман самим Провидением как такой мини-фейерверк, взрывающийся идеями в чужих головах, после чего он по-кошачьи тихо сворачивался и не брал на себя никакой ответственности за последствия. К вечеру его раздражительность достигла пика. В какой-то момент, задумчиво обведя взглядом комнату, он избрал мать как главную виновницу всех несчастий.

— Почему мы терпим этот мерзкий климат? — неожиданно спросил он, кивая на окно, вид за которым был неузнаваемо искажен потоками дождя. — Только посмотри! А еще лучше, посмотри на нас... Марго похожа на плоску багровой овсянки... Лесли забил в каждое ухо по четырнадцать саженей ваты... Джерри дышит так, словно родился с волчьей пастью... А ты? С каждым днем выглядишь все дряхлее и подавленнее.

Мать оторвалась от фолианта, озаглавленного «Простые рецепты из Раджпутаны».

— Ничего подобного! — возмутилась она.

— Да, — настаивал на своем Ларри. — Ты начинаешь походить на ирландскую прачку... а твои домочадцы могли бы послужить иллюстрациями для медицинской энциклопедии.

Не придумав хлесткого ответа, мама довольствовалась свирепым взглядом, прежде чем снова уткнуться в книгу.

— Нам нужно солнце, — продолжал Ларри. — Лес, ты со мной согласен? Лес?.. Лес... Лес!

Лесли вытащил из уха здоровый пучок ваты.

— Что ты сказал? — спросил он.

— Вот видишь! — Ларри победоносно развернулся к матери. — Разговор с ним превратился в целую стратегическую операцию. Я спрашиваю тебя, как с этим можно жить? Один не слышит, что ему говорят, а слова другого невозможно разобрать. Пора уже что-то сделать. Я не могу сочинять бессмертную прозу в атмосфере мрака и эвкалипта.

— Да, дорогой, — отозвалась мать туманно.

— Нам всем требуется солнце. — Ларри снова решительно зашагал по комнате. — Нам нужна страна, где мы можем *расти*.

— Да, дорогой, это было бы хорошо, — согласилась мать, слушая его вполуха.

— Сегодня утром я получил письмо от Джорджа. Он очень хвалит Корфу. Почему бы нам не упаковать чемоданы и не отправиться в Грецию?

— Очень хорошо, дорогой. Если тебе так хочется, — опрометчиво сказала мать.

Обычно с Ларри она держалась начеку, чтобы ее потом не поймали на слове.

— Когда? — тут же уточнил он, несколько удивленный такой покладистостью.

Поняв, что совершила тактическую ошибку, мать аккуратно положила «Простые рецепты из Раджпутаны».

— Мне кажется, было бы разумно, дорогой, если бы ты поехал сам и подготовил почву, — нашлась она с ответом. — Потом ты мне напишешь, что все устроено, и тогда уже мы все сможем приехать.

Ларри смерил ее уничтожающим взглядом.

— То же самое ты говорила, когда я предложил поехать в Испанию, — напомнил он ей. — А в результате я просидел два нескончаемых месяца в Севилье в ожидании вашего приезда, а ты только и делала,

что писала мне пространные письма с вопросами о водостоке и питьевой воде, как будто я какой-нибудь городской служащий. Нет уж, если ехать в Грецию, то всем вместе.

— Ларри, ты преувеличиваешь. — В голосе матери зазвучали жалобные нотки. — И вообще, не могу же я вот так взять и поехать. Надо сначала как-то разобраться с этим домом.

— Разобраться? Господи, да что тут разбираться? Продай его.

— Что ты, я не могу. — Его предложение потрясло ее до глубины души.

— Это почему же?

— Я ведь его только купила.

— Вот и продай, пока он еще в нормальном состоянии.

— Дорогой, не говори глупости, — произнесла она твердо. — Исключено. Это было бы безумием.

Короче, мы продали дом и умчались подальше от тоскливого английского лета, как стая перелетных ласточек.

Путешествовали мы налегке, взяв с собой лишь самое необходимое. Когда мы на таможне открыли наши чемоданы для осмотра, их содержимое четко отражало характер и интересы каждого. Так, багаж Марго состоял из просвечивающих одеяний, трех книжек о похудании и целой батареи флакончиков с разными эликсирами для выведения прыщиков. Лесли уложил парочку глухих свитеров и брюки, в которые были завернуты два револьвера, духовой пистолет, книжка «Сам себе оружейный мастер» и подтекающая бутылка смазочного масла. Ларри взял с собой два сундука книг и кожаный чемоданчик с одеждой. Мамин багаж был разумно поделен

между одеждой и книгами по садоводству и кулинарии. Я прихватил только то, что должно было мне скрасить утомительное путешествие: четыре пособия по естествознанию, сачок для бабочек, собаку и банку из-под варенья, содержащую гусениц, грозящих вот-вот превратиться в куколок. Вот так, по нашим меркам во всеоружии, мы покинули промозглые берега Англии.

Дождливая и печальная Франция, похожая на рождественский пирог Швейцария, шумная и благоухающая Италия промелькнули в окне, оставив лишь смутные воспоминания. Небольшой кораблик отчалил от итальянского каблучка в предзакатное море, и, пока мы спали в душных каютах, в какой-то момент своего движения по лунной морской дорожке он пересек невидимую разделительную черту и вошел в яркий зазеркальный мир Греции. Видимо, эта перемена постепенно проникла в нашу кровь, потому что мы все проснулись с первыми лучами солнца и высыпали на верхнюю палубу.

Море поигрывало гладкими голубыми мускулами в предрассветной дымке, а пенный след со сверкающими пузырьками за кормой казался стелющимся хвостом белого павлина. Бледное небо на востоке, у самого горизонта, начинало желтеть. Впереди по курсу из тумана выступал шоколадный мазок суши с пенной оберткой. Это был Корфу, и мы напрягли зрение, пытаясь рассмотреть горы, пики, долины, овраги и пляжи, но все ограничилось общими очертаниями. Вдруг из-за горизонта вышло солнце, и небо заиграло голубой эмалью, как глаз сойки. На мгновение мириады четко очерченных морских завитков вспыхнули и превратились в королевский пурпур с зелеными блестками. Туман взлетел вверх легкими лентами, и нашим глазам открылся весь

остров с горами, словно спящими под скомканным коричневым одеялом, а в складках прятались зеленые оливковые рощицы. Вдоль изгибистой береговой линии тянулись пляжи, белоснежные, как бивни слона, с рассыпанными здесь и там вкраплениями золотистых, рыжеватых и белых скал. Мы обогнули северный мыс, являвший собой гладкое ржаво-красное плечо с вырезанными в нем огромными пещерами. Темные волны понемногу относили наш пенный кильватер в сторону пещер, и уже там, перед отверстыми зевами, он с жадным шипением распадался среди скал. А потом горы постепенно сошли на нет, и взгляду предстало серебристо-зеленое переливающееся море оливок и отдельные черные кипарисы, торчащие на голубом фоне назидательно вздернутыми указательными пальцами. Вода в бухтах, на мелководье, была лазоревого цвета, и даже сквозь шум паровых двигателей можно было слышать доносящийся с берега пронзительно-победный хор цикад.

НЕВЕДОМЫЙ ОСТРОВ

Из шумной суетливой таможни мы выбрались на залитую солнцем набережную. Вокруг раскинулся город, уходящий уступами вверх, с хаотично разбросанными пестрыми домами, чьи распахнутые зеленые ставни напоминали крылья ночных бабочек — несметный рой. За нами лежал залив, гладкий как тарелка, отливающая нереально огненной синевой.

Ларри быстро шагал с гордо поднятой головой и такой королевской надменностью на лице, что никто не обращал внимания на его росточек, он же бдительно приглядывал за носильщиками, тащившими его сундуки. За ним поспешал низкорослый крепыш Лесли с воинственностью в глазах, а дальше трусил Марго со своими ярами муслина и батареей склянок с примочками. Мать, этакая тихая, забитая миссионерка среди бунтовщиков, против воли дотащилась на поводке у буйного Роджера до ближайшего фонарного столба, где и стояла в прострации, пока он освобождался от избытка чувств, накопившихся за время долгого сидения взаперти. Ларри выбрал два изумительно ветхих конских экипажа. В один загрузили весь багаж, а во второй уселся он сам и недовольно оглядел нашу компанию.

— Ну? — спросил он. — И чего мы ждем?

— Мы ждем нашу мать, — объяснил Лесли. — Роджер нашел фонарь.

— О господи! — Ларри принял образцовую осанку и закричал: — Мама, давай уже! Неужели собака не может подождать?

— Иду, дорогой, — отозвалась мать как-то покорно и неискренне, поскольку Роджер не изъявлял никакого желания расстаться с фонарным столбом.

— От этого пса всю дорогу одни хлопоты, — сказал Ларри.

— Не будь таким нетерпеливым, — возмутилась Марго. — Это его природа... К тому же в Неаполе мы прождали *тебя* целый час.

— У меня было расстройство желудка, — холодно заметил ей Ларри.

— У него тоже может быть расстройство желудка, — торжествуя объявила Марго. — Все одним миром мазаны.

— Ты хочешь сказать, что мы одного поля ягоды.

— Не важно, что я хотела сказать. Вы друг друга стоите.

В этот момент подошла мать, несколько растрепанная, и перед нами встала задача, как поместить Роджера в экипаж. Впервые столкнувшись с таким передвижным средством, он к нему отнесся с подозрением. В конце концов нам пришлось вручную, под отчаянный лай, запихнуть его внутрь, потом, отдуваясь, забраться самим и крепко его держать. Лошадь, напуганная всей этой возней, пустилась рысью, и в какой-то момент мы все устроили на полу кучу-малу, под которой громко поскуливал Роджер.

— Хорошенькое начало, — горько посетовал Ларри. — Я рассчитывал, что мы въедем, как король со свитой, и что получилось... Мы появляемся в городе, как группа средневековых акробатов.

— Дорогой, не продолжай, — сказала мать успокоительным тоном и поправила на голове шляпу. — Скоро мы будем в гостинице.

Под стук копыт и звон колокольчиков наш экипаж въезжал в город, пока мы на сиденьях из конского волоса пытались изображать из себя королевских особ, как того требовал Ларри. Роджер, накрепко прихваченный Лесли, высовывал голову наружу и вращал глазами так, словно был на последнем издыхании. Колеса прогремели по узкой улочке, где на солнце грелись четыре нечесанные дворняги. Роджер весь поджался, смерил их взглядом и разразился утробной тирадой. Дворняги тотчас оживились и с громким лаем припустили за экипажем. О королевской осанке можно было забыть, так как теперь уже двое удерживали буйного Роджера, а остальные, высунувшись из коляски, всюду размахивали журналами и книжками, пытаясь прогнать увязавшуюся за нами свору. Но это их лишь еще больше распалило, и с каждым поворотом их число только увеличивалось, так что, когда мы выехали на главную улицу, вокруг колес увивалось два с половиной десятка собак, впавших в форменную истерику.

— Кто-нибудь может сделать хоть что-то? — Ларри возвысил голос, чтобы перекрыть этот бедлам. — Это уже похоже на сцену из «Хижины дяди Тома».

— Вот бы сам и сделал, чем других критиковать, — огрызнулся Лесли, воевавший с Роджером.

Тут Ларри вскочил на ноги, вырвал кнут у остолбеневшего возницы и махнул в сторону своры, но промахнулся, да еще задел Лесли по загривку. Тот побагровел и окрысился на брата:

— Совсем, что ли?..

— Случайно, — беззаботно ответил Ларри. — Потерял практику. Давно не держал в руках кнут.

— Ну так, черт возьми, смотри внимательнее. — Лесли был настроен воинственно.

— Дорогой, успокойся, он ведь не нарочно, — вмешалась мать.

Ларри снова взмахнул кнутом и на этот раз сбил ее шляпу.

— От тебя больше неприятностей, чем от собак, — подала голос Марго.

— Поосторожнее, дорогой, — сказала мать, подхватывая шляпу. — Ты можешь кого-нибудь ранить. Ну его, этот кнут.

Но тут экипаж остановился перед входом с надписью «Швейцарский пансион». Дворянги, учуяв, что сейчас они наконец-то посчитаются с этим изнеженным черным песиком, разъезжающим в карете, обступили нас плотным, учащенно дышащим клином. Дверь гостиницы открылась, оттуда вышел старый портье с бакенбардами и бесстрастно уставился на эту уличную суету. Усмирить и перенести тяжелого Роджера в гостиницу было непростой задачей, и потребовались совместные усилия всей семьи. Ларри уже забыл о королевской осанке и даже вошел во вкус. Соскочив на мостовую, он устроил небольшой танец с кнутом, расчищая дорогу от собак, по которой Лесли, Марго, мать и я пронесли вырывающегося ощеренного Роджера. Когда мы ввалились в холл, портье захлопнул за нами дверь и привалился к ней спиной, шевеля усами. Подошедший управляющий разглядывал нас настороженно и одновременно с любопытством. Мать стояла перед ним в съехавшей набок шляпе и с моей банкой с гусеницами в руке.

— Ну вот! — Она довольно улыбнулась, как если бы это был самый обычный визит. — Мы — Даррел-

лы. Для нас забронированы комнаты, если не ошибаюсь?

— Да, мадам. — Управляющий держался подальше от все еще рычащего Роджера. — На втором этаже... четыре комнаты и балкон.

— Очень мило, — просияла мать. — Тогда, пожалуйста, мы пойдем к себе и немного отдохнем перед ланчем.

С поистине королевской грацией она повела все семейство наверх.

Позже мы спустились в просторную мрачноватую столовую с пыльными пальмами в кадках и скобоченными статуэтками. Обслуживал нас все тот же портье с бакенбардами, которому, чтобы превратиться в главного официанта, достаточно было надеть фрак и накрахмаленную манишку, поскрипывавшую, как армия сверчков. Еда была обильная и вкусная, и мы на нее набросились с голодухи. Когда подали кофе, Ларри со вздохом откинулся на спинку стула.

— Кормят сносно, — великодушно похвалил он. — Как тебе, мать, это место?

— Еда, во всяком случае, приличная. — Мать отказалась развивать эту тему.

— Обслуга вроде ничего, — продолжил Ларри. — Управляющий лично передвинул мою кровать поближе к окну.

— Лично я, когда попросил бумаги, помощи от него не дождался, — заметил Лесли.

— Бумаги? — удивилась мать. — Зачем тебе бумага?

— В туалет... она закончилась.

— Ш-ш-ш! — Мать понизила голос. — Пожалуйста, не за столом.

— Ты не обратил внимания. Рядом с унитазом там стоит полная коробочка, — объявила Марго во всеуслышание.

— Марго! — в ужасе воскликнула мать.

— А что такого? Разве ты ее не видела?

Ларри громко хмыкнул.

— Из-за некоторых проблем с городской канализацией, — пояснил он специально для сестры, — эта коробочка предназначена для... э-э... отходов, после того как ты разобралась с естественной нуждой.

Лицо у Марго сделалось пунцовым и выражало одновременно замешательство и отвращение.

— Так это... это... о боже! Я наверняка подхватила какую-нибудь заразу! — взвыла она и в слезах убежала из столовой.

— Какая антисанитария, — посуровела мать. — Просто мерзко. Ошибиться может каждый, но действительно, так ведь и тифом недолго заразиться.

— Организуй они всё, как надо, не было бы никаких ошибок, — вернулся Лесли к ранее высказанной претензии.

— Пусть так, дорогой, но я не считаю, что это надо обсуждать сейчас. Не лучше ли как можно скорее подыскать отдельный дом, пока мы все не заразились.

В своей комнате полураздетая Марго бутылками выливали на себя дезинфицирующую жидкость, а мать битых полдня периодически проверяла, не проявились ли уже симптомы развивавшихся в ней болезней, в чем Марго даже не сомневалась. Мамино душевное равновесие поколебало то, что дорога, проходившая мимо «Швейцарского пансиона», как выяснилось, вела на местное кладбище. Пока мы сидели на балкончике, мимо нас проходила несконча-

емая траурная процессия. Жители Корфу, очевидно, считали, что в оплакивании усопшего самый яркий момент — это похороны, и потому каждая следующая процессия была пышнее предыдущей. В экипажи, декорированные ярдами алого и черного крепа, были впряжены лошади, несшие на себе столько плюмажей и попон, что удивительно, как они еще могли передвигаться. Шесть или семь экипажей везли скорбящих, не сдерживавших своей глубокой печали, а за ними, на своего рода катафалке, ехал покойник в таком большом и роскошном гробу, что он скорее напоминал огромный именинный торт. Были гробы белые с пурпурными, черно-алыми и темно-синими виньетками, были сверкающие черные с изощренной золотой или серебряной отделкой и блестящими медными ручками. Это затмевало все, что я когда-либо видел. Вот, решил я, как надо покидать сей мир: с расфуфыренной конницей, горами цветов и целой свитой пораженных неподдельной скорбью родственников. Перегнувшись через балконные перила, я как зачарованный провожал глазами уходящие гробы.

Проход очередной процессии под рыдания плакальщиц и постепенно затихающий цокот копыт лишь усиливали волнение нашей матери.

— Это эпидемия! — наконец воскликнула она, нервно поглядывая на улицу.

— Ерунда. Мать, не нагнетай, — беззаботно отмахнулся Ларри.

— Но, дорогой, их так *много*... это противоестественно.

— В смерти нет ничего противоестественного. Все люди умирают.

— Да, но если они мрут как мухи, значит что-то не так.

— Может, их собирают в одном месте, чтобы всех заодно похоронить, — предположил Лесли довольно бесчувственно.

— Не говори глупости, — сказала мать. — Наверняка это все от канализации. При том, как она устроена, люди не могут быть здоровы.

— О боже! — похоронным голосом воскликнула Марго. — Значит, я это точно подхватила.

— Ну что ты, дорогая, совсем даже не обязательно, — несколько туманно изрекла мать. — Может, это не заразно.

— Какая же это эпидемия, если не заразно, — логично заметил Ларри.

— Короче, — мать отказывалась втягиваться в медицинскую дискуссию, — мы должны все выяснить. Ларри, ты можешь позвонить в службу здравоохранения?

— Вряд ли здесь есть такая служба, — заметил Ларри. — А если даже есть, я сомневаюсь, что они мне скажут правду.

— Не важно, — решительно заявила мать. — Тогда мы отсюда съезжаем. Мы должны найти дом за городом, и безотлагательно.

Прямо с утра мы начали поиски жилья в сопровождении отельного гида мистера Билера, толстенького человечка с подобострастными глазами и гладкими от пота скулами. Он вышел из гостиницы в довольно веселом расположении духа, явно не догадываясь о том, что его ждет. Тот, кто не занимался вместе с моей матерью поисками жилья, не может себе представить всей картины. Мы мотались по острову в облаке пыли, и мистер Билер показывал нам одну виллу за другой, во всем разнообразии размеров, расцветок и условий, а мать в ответ решитель-

но мотала головой. Когда ей была показана десятая, и последняя вилла в его списке и в очередной раз последовало «нет», несчастный мистер Билер сел на ступеньки и вытер лицо носовым платком.

— Мадам Даррелл, — заговорил он после некоторого молчания, — я вам показал все, что знал, и вам ничего не подошло. Мадам, какие ваши требования? Чем вас не устроили эти виллы?

Мать с удивлением на него посмотрела.

— Вы что, не обратили внимания? — спросила она. — Ни в одной из них не было ванной комнаты.

Мистер Билер так и выпучил глаза.

— Мадам, — он чуть не взвыл от расстройства, — зачем вам ванная комната? У вас же есть море!

В гостиницу мы возвращались в гробовом молчании.

На следующее утро мать решила, что мы возьмем такси и сами отправимся на поиски. Она не сомневалась, что где-то скрывается вилла с ванной. Мы ее уверенности не разделяли, поэтому к стоянке такси на главной площади она вела несколько разгоряченную группу, занятую выяснением отношений. При виде невинных пассажиров таксисты повысыпали из своих машин и налетели на нас, как стервятники, пытаясь друг друга перекричать. Голоса становились все громче, в глазах горел огонь, таксисты то и дело хватали друг друга за руки, все скалили зубы, и, кажется, готовы были нас растерзать. Вообще-то, это была невиннейшая из возможных свар, но мы еще не успели привыкнуть к греческому темпераменту, и складывалось впечатление, что наша жизнь в опасности.

— Ларри, сделай уже что-нибудь! — пропищала мать, не без труда вырываясь из объятий здорового таксиста.

— Скажи им, что ты пожалуешься британскому консулу. — Ларри пришлось перекрикивать этот шум.

— Дорогой, не говори глупости. — У матери сбилось дыхание. — Просто скажи им, что мы ничего не понимаем.

Марго, тихо закипая, вклинилась в общую массу.

— Мы Англия, — выдала она бурно жестикулирующим таксистам. — Мы не понимать греческий.

— Если этот тип еще раз меня пихнет, он получит в глаз, — буркнул Лесли, наливаясь кровью.

— Ну, ну, дорогой. — Мать тяжело дышала, все еще отбиваясь от водителя, который настойчиво подталкивал ее к своей машине. — Они ведь не желают нам плохого.

И тут всех заставил разом смолкнуть голос, перебивший этот гвалт, басовитый, громоподобный глас, каким мог бы разговаривать действующий вулкан.

— Эгей! Вам не нужно такой, кто говорит на ваш язык?

Повернув головы, мы увидели старенький «додж», припаркованный у обочины, а за рулем — плотно сбитого коротышку с мясистыми ручищами и дубленой скалящейся физиономией, в лихо заломленной набекрень кепке. Он открыл дверцу, выпростался наружу и вразвалочку направился к нам. Потом остановился и с еще более свирепым оскалом обвел взглядом притихших таксистов.

— Они к вам приставать? — спросил он у матери.

— Нет, нет, — не слишком убедительно заверила она. — Просто нам было сложно понять, о чем они говорят.

— Вам нужно такой, кто говорит на ваш язык, — повторил новенький. — Народ сякой-такой... извините за грубый слово... родная мама продается. Один минут, я их положу на место.

Он обрушил на водителей такой поток греческого красноречия, что буквально размазал их по мостовой. Расстроенные, злые, они махнули на все рукой, спасовав перед этим уникумом, и разбрелись по своим машинам. Проводив их последней и, судя по всему, убийственной тирадой, он снова обратился к нам.

— Куда вы ехать? — почти воинственно спросил он.

— Вы можете показать нам свободные виллы? — поинтересовался Ларри.

— Без проблема. Я вас отвезти куда угодно. Только сказать.

— Нам нужна вилла с ванной, — твердо сказала мать. — Знаете такую?

Его черные бровицы соединились в узел, характерный для мыслительного процесса, а сам он стал похож на огромную загорелую горгулью.

— Ванные? — переспросил он. — Вам нужна ванные?

— Все, что мы пока видели, было без ванной, — уточнила мать.

— Я знаю виллу, где ванны, — заверил он ее. — Но я не знаю, как большая она для вас.

— А вы не могли бы нам ее показать?

— Без проблема. Садитесь в машины.

Мы все расселись в его просторном автомобиле, он впихнул свой мощный торс в пространство за рулем и включил передачу с ревом, заставившим нас вздрогнуть. Мы неслись по кривым улочкам пригорода, петляя среди навьюченных ослов, телег, кучкующихся крестьянок, бесчисленных дворняг и оповещающая всех оглушительным клаксоном. Пользуясь моментом, наш водитель решил поддержать разговор. Обращаясь к нам, он каждый раз выворачивал

свою массивную голову назад, и тогда машина начинала мотаться туда-сюда, как пьяная ласточка.

— Вы из Англия? Я так и думать... Англия не могут без ванная... Я имею ванная... Я звать Спиро, Спиро Хакиаопулос... Все меня называть Спиро Американец, потому что я жил в Америка... Да, восемь лет Чикаго... Вот почему я имею такой хороший английский... Ехать туда делать деньги... Через восемь лет сказал: «Спиро, деньги уже есть» — и я снова в Греция... привез эта машина... самая хорошая на наш остров... никто не иметь такая машина... Меня знать все английский турист... приезжать сюда и меня спрашивать... тогда их никто не обмануть... Я люблю англичане... самые такие хорошие... Если бы я не грек, я бы англичанин, видит боги.

Мы промчались по дороге, выбеленной толстым слоем шелковистой пыли, которая поднималась за нами горячими клубами, а вдоль дороги выстроились заросли опунции, этакий забор из зеленых блюд, ловко поддерживающих друг друга, в пестрой разметке краснощеких плодов. Мы миновали виноградники с низкорослыми лозами, прошитыми изумрудными листочками, и оливковые рощицы с дуплистыми стволами, строившими нам из своих тенистых укрытий удивленные рожицы, и сбивающийся в кучи полосатый, как зебра, тростник, помахивающий огромными листьями, точно зелеными флагами. Наконец мы с ревом одолели холм, Спиро ударил по тормозам и остановил машину, подняв клубы пыли.

— Приехать. — Он ткнул вперед коротким толстым указательным пальцем. — Эта вилла с ванная комната, как вы просить.

Мать, всю дорогу ехавшая зажмурившись, осторожно открыла глаза и посмотрела. Спиро показывал на пологий склон, у подножия которого мерцало

море. Сам холм и окрестные долины были в гагачьем пуху оливковых рощ, поблескивавших, как рыба чешуя, стоило только бризу поиграть листвой. Посередине склона, под охраной высоких стройных кипарисов, угнездилась небольшая клубнично-розовая вилла, как экзотический фрукт в оранжерее. Кипарисы тихо раскачивались на ветру, словно старательно раскрашивали и без того чистое небо в еще более яркие тона к нашему приезду.

у кого не было желания разговаривать. В клетках на верхней полке распевали зяблики, клохтали Сероки и долбили клювами по сетке, и время от времени Алеко скорбно покрикивал. А в ногах у нас храпели собаки. На швейцарской границе наши паспорта проверял исполнительный до отвращения таможенник. Он вернул матери паспорта вместе с заполненным бланком, кивнул с непроницаемым лицом и оставил нас в печали. Прочитав бумагу, мать вся подобралась.

— Нет, вы только посмотрите, что он тут написал, — в негодовании воскликнула она. — Каков наглец!

Ларри заглянул в листок и фыркнул.

— Это тебе плата за то, что ты покинула Корфу, — изрек он.

На бланке, в колонке, озаглавленной «Описание пассажиров», было аккуратно вписано заглавными буквами: «БРОДЯЧИЙ ЦИРК С ОБСЛУГОЙ».

— Такое написать! — негодовала мать. — Бывают же *странные* люди.

Поезд, стуча колесами, взял курс на Англию.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оправдательная речь	9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Миграция	15
1. Неведомый остров	21
2. Клубнично-розовая вилла	34
3. Тип с Золотистыми Бронзовками	47
4. Бушель знаний	64
5. Паучий рай	77
6. Славная весна	93
Семейный разговор	108

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

7. Вилла желтая, как нарцисс	115
8. Черепашьи холмы	130
9. Целый мир в стене	148
10. Парад светлячков	165
11. Зачарованный архипелаг	183
12. Зима вальдшнепов	201
Семейное обсуждение	224

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

13. Белоснежная вилла	233
14. Говорящие цветы	249
15. Цикламеновый лес	265

16. Озеро с лилиями.....	284
17. Шахматные поля.....	302
18. Представление со зверями	321
Возвращение	343

ПОСЛАНИЕ ФОНДА ОХРАНЫ ДИКОЙ ПРИРОДЫ ИМЕНИ ДАРРЕЛЛА

История Джеральда Даррелла не заканчивается этой книгой. То, о чем вы прочитали, для Даррелла стало толчком и стимулом к многолетней деятельности по сохранению удивительного разнообразия животного мира на нашей планете.

Джеральд Даррелл умер в 1995 году, но эта книга, а также и другие его произведения по-прежнему вдохновляют читателей с любовью и уважением относиться к «этому волшебному миру», как говорил Даррелл. А его работа продолжается благодаря неустанным усилиям Фонда охраны дикой природы.

На протяжении вот уже многих лет читателей Даррелла воодушевляют его опыт и видение мира, и у них возникает желание самим участвовать в работе Фонда. Мы надеемся, что и вы испытаете сегодня те же чувства, ведь своими книгами и всей своей жизнью Джеральд Даррелл бросает нам вызов. «Звери составляют бессловесное и лишенное права голоса большинство, — пишет он, — и выжить они могут только с нашей помощью».

Пожалуйста, не позволяйте своему интересу угаснуть после того, как вы перевернете эту страницу. Напишите нам, и мы расскажем, как принять участие в нашей борьбе за спасение животных.

Чтобы получить дальнейшую информацию или отправить пожертвование, обращайтесь по следующим адресам:

Durrell Wildlife Conservation Trust
Les Augrès Manor
Jersey, Channel Islands, JE3 5BP
UK
Website: www.durrell.org
Email: info@durrell.org

Даррелл Дж.

Д 20   Моя семья и другие звери : роман / Джеральд Даррелл ; пер. с англ. С. Таска. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 352 с. — (The Big Book). ISBN 978-5-389-16294-5

«Моя семья и другие звери» — это «книга, завораживающая в буквальном смысле слова» (*Sunday Times*) и «самая восхитительная идиллия, какую только можно вообразить» (*The New Yorker*). С неизменной любовью, безупречной точностью и неподражаемым юмором Даррелл рассказывает о пятилетнем пребывании своей семьи (в том числе старшего брата Ларри, то есть Лоуренса Даррелла — будущего автора знаменитого «Александрийского квартета») на греческом острове Корфу. И сам этот роман, и его продолжения разошлись по миру многомиллионными тиражами, стали настольными книгами уже у нескольких поколений читателей, а в Англии даже вошли в школьную программу. «Трилогия о Корфу» трижды переносилась на телеэкран, причем последний раз — в 2016 году, когда британская компания ITV выпустила первый сезон сериала «Дарреллы», одним из постановщиков которого выступил Эдвард Холл («Аббатство Даунтон», «Мисс Марпл Агаты Кристи»).

Роман публикуется в новом полном переводе, выполненном Сергеем Таском, чьи переводы Тома Вулфа и Джона Ле Карре, Стивена Кинга и Пола Остера, Иэна Макьюэна, Ричарда Йейтса и Фрэнсиса Скотта Фицджеральда уже стали классическими.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ
МОЯ СЕМЬЯ И ДРУГИЕ ЗВЕРИ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Валентина Гончар, Станислава Кучепатова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 14.03.2019. Формат издания 75 × 100¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 15,51.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MBB-24736-01-R